

Кружок ищущих христианского просвещения: состав и взаимоотношения участников

Кирилл Паромов

Circle of those seeking Christian enlightenment: structure and relationships of the participants

Kirill Paromov
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X23040090, EDN: HNGTIF

На первый взгляд, Кружок ищущих христианского просвещения¹, или «новосёловский кружок», как его называли по имени одного из учредителей и председателя М.А. Новосёлова, вряд ли нуждается в представлении. Эта московская организация, существовавшая в последнее предреволюционное десятилетие, включала церковных интеллектуалов, в том числе весьма известных. Знакомясь с идейно-политической и общественной жизнью Серебряного века русской культуры, нельзя не встретить упоминания о Кружке и о тех, кого принято считать его участниками². Часть этих «свидетельств» вошла затем в мемуарное предание³ и повлияла на более поздние исследовательские (поначалу эмигрантские, а потом и современные российские) представления о Кружке и его составе⁴.

© 2023 г. К.Я. Паромов

¹ Официальное название общества — «Кружок ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви». Однако сами участники, говоря о нём, в том числе публично, предпочитали прижившийся сокращённый вариант.

² Показателен в этом отношении сборник: Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. / Сост. В.И. Кейдан. М., 1997.

³ Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 184–187; Зеньковский В.В. Из моей жизни. Воспоминания. М., 2014. С. 254–255; Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 86; Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 71–79; Дурылин С.Н. В своём углу. М., 2006. С. 152–154, 384–385, 540–541; Шагинян М.С. Человек и Время. История человеческого становления. М., 1980. С. 274–292; Фудель С.И. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 2001. С. 62–64, 67–69, 154; Воспоминания Константина Сергеевича Родионова (1892–1991) // Вестник русского христианского движения. 1992. № 1(164). С. 279–281; Арсеньев Н.С. Из русской культурной и творческой традиции. Л., 1992. С. 105–106; Арсеньев Н. О московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX века // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 300–304; Арсеньев Н.С. Дары и встречи жизненного пути. СПб., 2013. С. 56, 59, 206–214.

⁴ Зёрнов Н.М. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991. С. 121–122; Соболев А.В. К истории Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва // Историко-философский ежегодник. 1992. М., 1994. С. 106–107; Никитина И.В., Половинкин С.М. «Московский авва» // Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новосёлова с присоединением писем иеросхимонаха Германа Зосимовского, иеросхимонаха Антония (Булатовича), иеромонаха Пантелеимона (Успенского), В.М. Васнецова, Ф.Д. Самарина, Ф.К. Андреева, С.Н. Дурылина, И.П. Шербова (Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2) / Под ред. игумена Андроника (Трубачёва). Томск, 1998. С. 9–38; Половинкин С.М. Ревностная дружба // Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым (Архив священника Павла

Так, С.М. Половинкин причислял к нему о. П.А. Флоренского, о. С.Н. Булгакова, о. А.В. Ельчанинова, о. С.Н. Дурьлина, о. Ф.К. Андреева, о. С.П. Мансурова, М.А. Новосёлова, братьев князей Е.Н. и Г.Н. Трубецких, братьев Ф.Д. и А.Д. Самариных, П.Б. Мансурова, Н.С. Арсеньева, Н.Д. Кузнецова, И.П. Щербова. Как «близкие кружку» рассматриваются В.М. Васнецов и М.В. Нестеров⁵. Порою попадают в этот перечень прот. И.И. Фудель, о. В.П. Свенцицкий, В.Ф. Эрн, А.С. Глинка (Волжский), Л.А. Тихомиров, С.А. Цветков и даже А.Ф. Лосев⁶.

Вероятно, именно возможностью собрать такое «соцветие» знаменитостей и объясняется постоянное⁷, хотя и не самое пристальное внимание к Кружку, который предстаёт своего рода «средоточием» православно-ориентированной интеллигенции⁸. С этим же связано то, что в историографии организация и деятельность общества оказались как бы в тени судеб и творчества его участников. Наиболее отчётливо это проявлялось при публикации их эпистолярного и иного наследия, когда Кружок упоминался во вступительных статьях и комментариях. Между тем на необходимость уточнять сведения о составе Кружка без малого 20 лет назад указывал иерей А. Дубинин⁹. Действительно, само по себе знакомство многих из перечисленных лиц вовсе не предполагает их сотрудничества в Кружке, в основе которого лежало искреннее стремление к близости, доверительности и духовному единству, признававшемуся бесспорной христианской ценностью¹⁰. Не случайно в его Уставе, написанном Самариным с учётом мнений остальных кружковцев, говори-

Александровича Флоренского. Вып. 4) / Под ред. игумена Андроника (Трубачёва). Томск, 2001. С. 5–15; Половинкин С.М. П.А. Флоренский и религиозно-философские кружки и общества в Москве // Незавершённая энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии. Сборник статей. Кострома, 2003. С. 45–55; Дубинин А., иерей. Переписка В.А. Кожевникова с Ф.Д. Самариным и деятельность Кружка ищущих христианского просвещения // Богословские труды. Вып. 40. М., 2005. С. 274–288; Иларион (Алфеев), еп. Священная тайна Церкви: введение в историю и проблематику имяславских споров. СПб., 2007. С. 454–457; Лескин Д., прот. Метафизика слова и имени в русской религиозно-философской мысли. СПб., 2008. С. 299–302; Паромов К.Я. Епископ Феодор (Поздеевский) и «Кружок ищущих христианского просвещения»: по переписке участников // Христианское чтение. 2012. № 3. С. 66–108.

⁵ Половинкин С.М. Ревностная дружба. С. 6. При этом в московском кругу упомянуты кн. Г.Н. Трубецкой, вернувшийся в 1912 г. на дипломатическую службу и проживавший в Петербурге и за границей, А.В. Ельчанинов, в начале 1911 г. прервавший учёбу в Московской духовной академии и уехавший в родной Тифлис, преподаватель Санкт-Петербургской духовной семинарии И.П. Щербов, который никогда не был москвичом.

⁶ Половинкин С.М. Кружок ищущих христианского просвещения // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 287; Резниченко А.И. О смыслах имён: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М., 2012. С. 15.

⁷ Об этом свидетельствует, в частности, растущее количество энциклопедических статей: Половинкин С.М. Кружок ищущих христианского просвещения. С. 287–289; Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. М., 2004. С. 79–80, 138–139; Половинкин С.М. Кружок ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви // Православная энциклопедия. Т. 39. М., 2015. С. 55–58; Паромов К.Я. Кружок ищущих христианского просвещения в духе православной Христовой Церкви // Большая российская энциклопедия (URL: <https://bigenc.ru/c/kruzhoz-ishchushchikh-khristianskogo-prosveshcheniia-v-dukhe-pravoslavnoi-khristovoi-terkvi-909a7e> (дата обращения: 16.06.2023 г.)).

⁸ «Самая сердцевина русского православия», — писал о Кружке в мемуарах Н.А. Бердяев (Бердяев Н.А. Самопознание... С. 185).

⁹ Дубинин А., иерей. Переписка В.А. Кожевникова с Ф.Д. Самариным... С. 283–284.

¹⁰ [Самарин Ф.Д.] О задачах и характере устраиваемых «Кружком» бесед // Богословские труды. Вып. 45. М., 2013. С. 468.

лось, что «решения принимаются Кружком не иначе, как с общего согласия всех присутствующих на заседании членов»¹¹. Перечни же, составленные Половинкиным, отражают скорее круг общения, причём даже не столько личного, сколько идейного (взаимовлияния, отталкивания), о. П. Флоренского.

Всё это создаёт путаницу, и не удивительно, что в литературе новосёловский кружок, к сожалению, не отличают от самаринского, а Фёдора Дмитриевича ошибочно называют председателем. Эта ошибка, вероятно, восходит к о. Павлу Флоренскому, указавшему при публикации писем Самарина, что речь в них идёт о Кружке ищущих христианского просвещения, «попросту называемом то “самаринским”, то “новосёловским”»¹².

Между тем выражение «самаринский кружок» вовсе не было одним из неофициальных, просторечных наименований Кружка ищущих христианского просвещения, наряду с «новосёловским» и «корниловским». Так, узнав из газет о смерти Самарина, Л.А. Тихомиров 24 октября 1916 г. с горечью писал в дневнике: «Умирают все мои современники, все люди национальной России. Фёдор Самарин был по уму краса Самариных. Теперь, значит, самаринский кружок исчез совершенно. Уж он и то на ладан дышал и держался только Фёдором Дмитриевичем... Кожевников сам по себе поддерживает охотно только Новосёловский кружок. Корнилов — весь в делах Красного Креста... Впрочем, всё это не важно. Нынешнее время не принимает ни таких людей, как Фёдор Дмитриевич, ни таких кружков, как самаринский. Этот кружок имел целью быть вольным центром свободного общественного мнения умственной аристократии Русского направления. Всё это уже — нечто отжившее, прошлое, последний отблеск Самаринско-Аксаковской Москвы, которой уже нет»¹³.

Добровольно покинув «по болезни» в 1908 г. Государственный совет¹⁴, Самарин, несмотря на расстроенное здоровье и глубокий пессимизм относительно торжества фамильных идеалов, продолжал интересоваться происходившим в политической сфере. Его традиционное для Самариных чувство

¹¹ Устав Кружка взаимопомощи в целях христианского просвещения // Богословские труды. Вып. 45. С. 472. Впрочем, между теми же Самариными и Трубецкими, несмотря на тесное родство и принципиальную самаринскую «семейственность», особой близости не установилось. Об идейном конфликте с «дядей Фёдей», вызванном наследственной слабостью Самарина — «консервативным романтизмом в вопросе об общине», вспоминал старший сын кн. Е.Н. Трубецкого: *Трубецкой С.Е.* Минувшее. Париж, 1989. С. 80. В высшей степени требовательная к себе и к своему слову дочь Самарина М.Ф. Мансурова вспоминала о «расхождениях, и серьёзных», постепенно возникших у её отца со старшими братьями Трубецкими. При этом его явное «разномыслие» с Флоренским (которому о. Павел придавал принципиальный характер, что, конечно же, не могло не задевать Фёдора Дмитриевича) она характеризовала как «богословский спор», решаясь «только рассказать» о нём, но не рассудить споривших (*Мансурова М.Ф.* Детские годы // Самарин. Воспоминания. М., 2001. С. 14, 15, 31).

¹² *Флоренский П., свящ.* Памяти Феодора Дмитриевича Самарина († 23 октября 1916 г.). Сергиев посад, 1917. С. 12.

¹³ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М., 2008. С. 297.

¹⁴ С.Ю. Витте полагал, что Самарин, будучи принципиальным монархистом, «отказался от звания члена Государственного совета», поскольку не желал ни поддерживать столыпинскую аграрную реформу, которой, как потомственный славянофил, не сочувствовал, ни присоединяться к оппозиции (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукоянова. Т. 2. СПб., 2003. С. 287–288). Дочь Фёдора Дмитриевича вспоминала: «Папá с болью сердца внимательно следил за ходом политических событий, за действиями правительства. По его убеждению, оно роняло тот идеал государственности, который был для него свят» (*Мансурова М.Ф.* Указ. соч. С. 14).

«общественного долга», носившее, по сути, религиозные черты, а также выпестованная десятилетиями склонность к умственному труду находили теперь выражение исключительно в аналитической работе, результаты которой предлагались вниманию нескольких заинтересованных лиц. Судя по составу, этот самаринский кружок являлся реликтом Кружка москвичей, существовавшего в 1904–1909 гг.¹⁵

По свидетельству того же Тихомирова, последним значительным шагом «самаринцев», их «лебединой песнью» стала записка о положении Польши, направленная в мае 1915 г. в Совет министров, которому рекомендовалось образовать в её этнографических границах «совершенно самостоятельное государство». Документ подписали Ф. Самарин, князя А. и В. Голицыны, В. Кожевников, А. Корнилов, И. Лебедев, П. Мансуров, Л. Тихомиров и Д. Хомяков¹⁶. Четверо из них (Самарин, Кожевников, Корнилов, Мансуров) состояли в Кружке ищущих христианского просвещения, однако, разумеется, не были обязаны согласовывать с другими его членами подобные действия.

Что же, в сущности, достоверно известно о Кружке? Он был учреждён в январе 1907 г. по инициативе ставшего председателем М.А. Новосёлова¹⁷, Ф.Д. Самарина, В.А. Кожевникова, Н.Н. Мамонова (выбранного казначеем) и П.Б. Мансурова. Его действительными членами являлись ректор Московской духовной семинарии архимандрит Феодор (Поздеевский)¹⁸, А.А. Корнилов (врач-невропатолог, профессор Московского университета), А.И. Новгородцев (родной брат П.И. Новгородцева), С.Н. Булгаков, Н.Д. Кузнецов, П.А. Флоренский (с апреля 1911 г. — священник), Ф.К. Андреев. В разное время с кружком тесно сотрудничали протоиерей И. Фудель, Л.А. Тихомиров, С.Н. Дурылин, С.П. Мансуров¹⁹. Некоторые из них входили в церковно-просветительское Братство святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа и в «правый» политический Кружок москвичей, были связаны

¹⁵ Дубинин А., *свящ.* Переписка В.А. Кожевникова с Ф.Д. Самариным... С. 278, 281.

¹⁶ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 262. Подробнее см.: Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 63–64.

¹⁷ См. подписанное им в этом качестве обращение Кружка к законоучителям: Новосёлов М. К вопросу о религиозном образовании и воспитании учащихся в средних учебных заведениях // Итоги жизни. 1914. № 11. С. 12–13.

¹⁸ Став с августа 1909 г. епископом Волоколамским и ректором Московской духовной академии, он отошёл от активного участия в работе Кружка, но связи с ним и с его участниками не терял.

¹⁹ Данные о членах кружка можно обнаружить в публикациях: Феодору Дмитриевичу Самарину († 23 октября 1916 года) от друзей (Заметки Вл.А. Кожевникова, кн. Гр.Н. Трубецкого, П.Б. Мансурова, *свящ.* П.А. Флоренского, М.А. Новосёлова, Ф.К. Андреева и С.Н. Булгакова) // Богословский вестник. 1916. № 10–12. С. 543–581; Флоренский П., *свящ.* Памяти Феодора Дмитриевича Самарина...; Переписка Ф.Д. Самарина и священника П.А. Флоренского // Вестник РХД. 1978. № 2(125). С. 251–271; Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 85–151; Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новосёлова...; Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым...; Письма В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину // Богословские труды. Вып. 40. С. 288–354; Письма мученика Михаила Новосёлова Ф.Д. Самарину, 1905–1913 гг. // Богословские труды. Вып. 45. С. 425–473; [Самарин Ф.Д.] О задачах и характере... С. 468–469; Устав Кружка взаимопомощи... С. 470–472; Краткие сведения о деятельности «Кружка ищущих христианского просвещения» за 1908 г. // Богословские труды. Вып. 45. С. 472–473.

с Московским религиозно-философским обществом (РФО) памяти Вл. Соловьёва²⁰ и Московской духовной академией, где помимо владыки Феодора преподавали её выпускники Флоренский и Андреев, а Новосёлов, Самарин и Кожевников с конца 1912 г. состояли почётными членами. Действительных участников общества всегда насчитывалось немного. Если 12 января 1907 г. Ф.Д. Самарин писал П.Б. Мансурову о создании «маленького кружка духовно-просветительного характера», то 14 июня 1913 г. он отмечал «недостаток людей», делающий невозможным любое его «переустройство»²¹.

Устав Кружка готовился с января 1907 г. и в августе был официально утверждён²². В нём указывалась единственная цель — «помогать своим членам, а также и посторонним лицам, которые будут к нему обращаться, в усвоении начал христианского просвещения»²³. Неудивительно, что столь зыбкая грань между действительными членами и «посторонними лицами» значительно осложняет точное определение состава общества.

При этом в том же первом параграфе устава говорилось, что «Кружок никаких политических целей не преследует и в обсуждение политических вопросов не входит»²⁴. Такое ограничение позволяло общаться людям самых разных взглядов, будь то убеждённые монархисты Самарин, Мансуров, Кожевников и Корнилов, «христианский социалист» и эсхатологический теократ Булгаков или принципиально аполитичный Флоренский. В декларированном отказе от политики, бесспорно, выражалась реакция на события недавней революции, осознание, по словам Самарина, «недостаточности наших сил и невозможности бороться с тем ураганом, который нёсся над Россией»²⁵. Впрочем, воздержание от злободневных тем не носило вынужденного, а потому и обязательного, характера. Отец Павел запомнил, как «на одном из четвергов у Михаила Александровича Новосёлова, когда часть посетителей уже разошлась, разговор принял особенно живое течение. Но шёл он о каких-то не то общественных, не то политических вопросах, мне был скучен, и я, сидя сбоку от Феодора Дмитриевича, стал всматриваться в его лицо... Кроме хорошего, я ничего не увидел в нём. Это была большая и глубокая дума о каких-то страданиях и скорбях, какая-то — я бы сказал — почти подавленность роком, если бы она не была очищена покорностью Промыслу и не освящена чувством объективной Правды»²⁶.

²⁰ Резкое противопоставление «православного» Кружка внецерковному РФО, опирающееся на мемуары (*Арсеньев Н.С.* Дары и встречи... С. 56–59), крайне сомнительно. Конечно, граница между ними имела. Тем не менее многие видные кружковцы были причастны к деятельности РФО, в том числе — Булгаков, Флоренский («не священник ещё, а студент академии» и молодой её преподаватель), Кожевников, Новосёлов (*Белый А.* Начало века. Берлинская редакция (1923). СПб., 2014. С. 515–517), но, что любопытно, не Самарин и Мансуров.

²¹ *Дубинин А., свящ.* Переписка В.А. Кожевникова с Ф.Д. Самариним... С. 281, 288.

²² Письма мученика... С. 443.

²³ Такому пониманию своей деятельности вполне соответствовало первоначальное, «рабочее», название — «Кружок взаимопомощи в целях христианского просвещения» (Устав Кружка взаимопомощи... С. 470).

²⁴ Там же.

²⁵ *Дубинин А., свящ.* Переписка В.А. Кожевникова с Ф.Д. Самариним... С. 280; *Колеров М.А.* «Не мир, но меч». Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996. С. 257–258.

²⁶ *Флоренский П., свящ.* Памяти Феодора Дмитриевича Самарина... С. 4.

Так или иначе, кружковцы пытались отыскать идеал христианской коммуникации и то «“хоровое начало”, на которое думали опереть русскую общественность славянофилы»²⁷. Обычно исследователи видят в этом стремление воплотить славянофильскую «соборность сознания»²⁸. Однако это определение, позаимствованное у о. П. Флоренского²⁹, нуждается в пояснении.

Характерно, что в 1917 г. Новосёлов переиздал размышления Д.А. Хомякова, утверждавшего в 1906 г.: «В сущности, в Церкви всё, что не безусловно согласно с идеей единства, даже внешнего, есть только земной минус, вносимый в высшую основную идею — христианского единства»³⁰. Схожим образом рассуждал и Самарин, писавший: «Мы, последователи Христовы, призваны к единению... По слову Его великий дар единения духовного дан нам свыше... Но в области духовной жизни воля Божия осуществляется лишь при деятельном участии воли человеческой... Так и благодать единения, нам дарованная, может возрастать и приносить плоды, только если мы будем в себе питать и согревать этот дар». Соответственно «общение с другими верующими необходимо каждому члену Церкви, как воздух для всякого организма». Между тем «религиозная мысль у нас почти замкнута в тесные пределы личной жизни», явно недостаточные для её развития³¹. Именно поэтому Кружок приобретал для Самарина особую ценность: «Мы все друг друга будем учить и друг у друга учиться, чтобы всё более сближаться духовно и достигнуть возможно полного внутреннего единения»³².

Размышляя о «задачах и характере» планируемых Кружком бесед, Самарин настаивал на желательности даже не согласия, а единомыслия и единогласия по принципиальным вопросам. Со своей стороны, Новосёлов выдвинул идею «общения, создаваемого на почве общей молитвы», собирающей воедино ум, волю и чувство. Поддерживая его, архимандрит Феодор (Поздеевский) напоминал Фёдору Дмитриевичу, что лишь «в молитвенном единении возможно не только “едино сердце и уста”, но и “единая воля и единая мысль”». Между тем предусмотрительный Кожевников убеждал Самарина в том, что полнота «согласия в общих главных положениях между членами “Кружка”» не должна простираться «в чтениях до таких строгих пределов, чтобы даже *иногда*, даже в некоторых случаях, нельзя было отступить от единогласия во мнениях»³³.

21 мая 1915 г., в последнем письме к о. П. Флоренскому, Самарин вынужден был признать, что в полной мере его замысел реализовать не удалось: «Мы испрашиваем “соединения веры”, как благодатного дара свыше, но, конечно, и сами должны трудиться по мере сил над достижением этой великой и святой цели; иначе суетна наша молитва... Меня лично... недоговорённость и неясность между близкими людьми всегда тяготила, и в этом заключалась главная причина, почему мне казалось полезным учреждение того кружка,

²⁷ Флоренский П.А., свящ. Пути и средоточия // Флоренский П.А., свящ. Сочинения. В 4 т. / Сост. игумен Андроник (А.С. Трубачёв), П.В. Флоренский, М.С. Трубачёва. Т. 3(1). М., 2000. С. 38.

²⁸ См., в частности: Никитина И.В., Половинкин С.М. «Московский авва». С. 22.

²⁹ Флоренский П., свящ. Памяти Феодора Дмитриевича Самарина... С. 3, 5–6, 15–16.

³⁰ Хомяков Д.А. Собор, соборность, приход и пастырь. Саратов, 1996. С. 16–17.

³¹ [Самарин Ф.Д.] О задачах и характере... С. 468–469.

³² Письма мученика... С. 441.

³³ Письма В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину. С. 298, 308–309; Письма мученика... С. 441.

который сплачивается около Мих.А. Новосёлова. К сожалению, намеченная мною задача была вскоре подменена другими, не менее, может быть, важными и почтенными, но не столь отвечающими моей душевной потребности»³⁴.

Действительно, знакомясь с материалами, опубликованными в последние годы существования Кружка и фактически уже подводившими итоги его работы³⁵, нельзя не заметить, что у каждого из «ищущих» была своя «соборность сознания», а такие видные кружковцы как Самарин, Новосёлов, Флоренский имели собственные и весьма отличавшиеся представления о задачах и возможностях их организации. Несколько утрируя, можно сказать, что Новосёлов видел в ней прежде всего миссионерское общество, призванное спасти Русскую Церковь от духовного вырождения, утраты христианского отношения к жизни, забвения святоотеческих заветов и практик³⁶. Самарин искал в ней круг единомышленников, стремящихся в «непосредственном обращении к Евангелию» раскрыть неизменные «религиозные идеи» христианства, дать убедительный ответ «умственным и нравственным запросам настоящего времени» и тем самым занять своё место в Церкви³⁷. Флоренскому идеалом представлялась дружба посвящённых³⁸, переходящая в теургию и соработничество Творцу. Для достижения «живого религиозного сознания» связанные ею друзья стараются осмыслить стихию подлинной (несомненно, народной и даже «прото»-народной, первобытной, «наиболее архаичной»³⁹) религиозности и выработать полноценное и всеобъемлющее миропонимание⁴⁰. Беседа весной 1915 г. с Самариным, о. Павел говорил о «величайшем священном страхе веры», неотделимом от чуда «Богонисхождения и Боговоплощения», о неизбывном символизме «освященной реальности», полной свидетельств («видов и образов») «Благодати и Боговоплощения»⁴¹. При этом свою устремлённость к «тайнам и таинствам» он считал смелым и последовательным воплощением программных установок «старого славянофильства».

Неудивительно, что позиции «лидеров» Кружка в наиболее ответственные для его существования моменты никогда не совпадали полностью. Кто-то всегда находился в явном несогласии с «общим мнением» остальных, примирение взглядов двух других удавалось лишь с существенными оговорками. Так, когда в мае 1913 г. Святейший Синод осудил распространившееся в русских обителях Афона новое учение об особом почитании имени Божия, Кружок разделился на явных сторонников имяславия (Новосёлов, Флоренский, Булгаков, Кожевников, Андреев) и тех, кто сомневался в его истинности (Самарин, Мансуров, Кузнецов, епископ Феодор). Решение церковных властей,

³⁴ Флоренский П., *свящ.* Памяти Феодора Дмитриевича Самарина... С. 24.

³⁵ Там же; Флоренский П., *свящ.* Около Хомякова (критические заметки). Сергиев Посад, 1916; Феодору Дмитриевичу Самарину...

³⁶ Письма мученика... С. 453–454.

³⁷ Письма В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину. С. 302, 304–306.

³⁸ Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост. Е.В. Иванова. М., 2004. С. 276; *Хоружий С.С.* Миросозерцание Флоренского. Томск, 1999. С. 112.

³⁹ Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова. С. 97; Прения по поводу реферата П.А. Флоренского на тему: «Догматизм и догматика» // Историко-философские исследования. Ежегодник. Вып. 1. Минск, 1991. С. 191; *Хоружий С.С.* Миросозерцание Флоренского. С. 121, 138.

⁴⁰ Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым... С. 140–143.

⁴¹ Флоренский П., *свящ.* Памяти Феодора Дмитриевича Самарина... С. 21; Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова. С. 108.

вынесенное при полнейшем общественном равнодушии к сути проблемы (и при злорадном перечислении примеров насилия, применявшегося всеми сторонами конфликта), воспринималось Новосёловым, Флоренским и Булгаковым как опасная ересь, упорство в которой будет иметь роковые последствия для Русской Церкви и для Российской империи. Само имяславие казалось им неперменным признаком православного догматического богословия. И когда о нём возвестили афонские иноки, сочувствовавшие им кружковцы решили, что начинается настоящая духовная «весна»⁴².

Выход в 1916 г. «Критических заметок» о. П. Флоренского «Около Хомякова» вновь разделил участников Кружка на сочувствовавших автору (Булгаков, Кожевников, Андреев) и не согласных с его основными положениями и остро полемическими выпадами против родоначальника славянофильства и его идейных преемников (Новосёлов, Самарин).

Расхождения среди остальных членов лишь на первый взгляд были менее острыми. Тут сказывалась, скорее, разница в складе ума и темпераменте. Так, Кожевников всю жизнь сочетал миролюбие и искреннее уважение к чужим интеллектуальным поискам со свободой собственной мысли. Увлечения, свойственные Булгакову (и прекрасно им сознававшиеся), свидетельствовали об искренности и горячности, но не лишали его взгляды своеобразия. За годы участия в Кружке он испытал серьёзное влияние идей Новосёлова, Кожевникова, Самарина, но в итоге примкнул к о. П. Флоренскому (с чем было связано и принятие священства в июне 1918 г.). Из «молодых» — ни Ф.К. Андреева, ни С.Н. Дурылина, ни С.П. Мансурова невозможно представить чьей-либо тенью. Точно так же и позиции П.Б. Мансурова не сводились к положению давнего друга, родственника и единомышленника Самарина. Каждый сохранял своё лицо. Кузнецов, Мамонов, Корнилов, архимандрит Феодор, бесспорно, крупные и самостоятельные фигуры, играли в Кружке более скромную роль, но прежде всего потому, что их сильнее привлекали иные поприща.

Констатируя общность «ищущих» (имевшую несколько уровней), не следует упускать из вида и то, что, желая найти сотрудников, они в то же время встречали в них и своих противников. По свидетельству Булгакова, «в разгар “имеславческих” споров» кн. Е.Н. Трубецкой указывал ему «на необходимость особенно считаться с настроением Ф.Д. Самарина ввиду особенной чуткости его церковной совести»⁴³. По сути, о том же говорил в сороковой день по кончине Самарина на заседании Братства святителей Московских о. П. Флоренский: «Если уместно здесь выразиться корыстно, принимая во внимание *наши* интересы, то нельзя не заметить незаменимости Феодора Дмитриевича в наших беседах. А в особенности, как он нужен был бы теперь и в будущем, когда всё настойчивее требуют разрешения многочисленные богословские, философские и общественные вопросы». Нет сомнений, что речь шла именно о потребности в принципиальном, хотя и богословски несостоятельном, оппоненте⁴⁴. Причём спор затрагивал не только Самарина. Ведь,

⁴² Имяславие. Антология / Сост. Е.С. Полищук, С.М. Половинкин. М., 2002. С. 12–13.

⁴³ Феодору Дмитриевичу Самарину... С. 579.

⁴⁴ Но это отнюдь не исключало уничижительных оценок и даже располагало к ним. «Вот, — вспоминал о. Павел на одной из своих московских лекций в июне 1918 г., — один из наших богословствующих мыслителей, не без иудейской закваски, отрицал, от полноты сознательности, онтологичность таинства Евхаристии. “Было бы страшно признать пресуществление, — говорил

по словам о. Павла, «живое предание славянофильства являлось нам в лице Феодора Дмитриевича», и «многие из сторон его личности получали для нас особое значение, ибо делались символическими»⁴⁵.

Интересно, что именно в пору интенсивного осознания этих разногласий⁴⁶ 7 июня 1913 г. о. П. Флоренский писал в Петербург Розанову, понаслышке дивившемуся крепости дружеских связей в его окружении: «Конечно, московская “церковная дружба” есть лучшее, что есть у нас, и в дружбе этой полная *coincidentia oppositorum*»⁴⁷. Все свободны, и все связаны; все по-своему, и все — “как другие”. Вы пишете о “новом” в богословии, что внесено нами; но к перечисленным Вами лицам не забудьте добавить Новосёлова и Булгакова, Самарина... Весь смысл московского движения в том, что для нас смысл жизни вовсе не в литературном запечатлении своих воззрений, а в непосредственности *личных* связей. Мы не пишем, а говорим, и даже не говорим, а скорее общаемся»⁴⁸. В этом описании видна особенность собственного философствования о. Павла, его «ритмика мысли», которая была «многообразна и сложна множественностью своих подходов; но во всех дышит *одно* дыхание». Весной 1918 г. он объяснял: «В сложении целого каждая тема оказывается так или иначе связанной с каждой другой: это — круговая порука, ритмический перебой взаимопроникающих друг друга тем... Это — дружное общество, в котором каждый беседует с каждым, поддерживая, все вместе, взаимно научающий разговор... Просится ещё подобие: русская песня. Тут *нет* раз навсегда закреплённых, неизменных хоровых “партий”... Единство достигается внутренним взаимопониманием исполнителей, а не внешними рамками... За хором сохраняется полная свобода переходить от унисона, частичного или общего, к осуществлённому многоголосию»⁴⁹.

Сквозь субъективность, эмпирическую данность, феноменальность к просвечивающей в ней метафизической заданности, идее, «Вечности» (и обратно — от ноуменального плана бытия к феноменальным его явлениям) — таков был неизменный путь о. П.А. Флоренского, старавшегося быть «совершенно объективным»⁵⁰. В пространном описании «московской церковной дружбы» сложно не уловить очертания такого идеального сообщества, каким о. Павел хотел видеть Кружок. И «совпадение противоположностей» было присуще ему уже потому, что «всякое живое мышление опирается на противоречие и живёт им. И чем оно жизненнее, тем острее противоречия. Религиозное мышление не смазывает, а утверждает сразу и да, и нет»⁵¹.

он, — ведь это бы значило, что частица Тела Христова может упасть на пол и быть уничтоженной”» (Флоренский П.А., *свящ.* Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). М., 2004. С. 402).

⁴⁵ Флоренский П., *свящ.* Памяти Феодора Дмитриевича Самарина... С. 6, 9.

⁴⁶ См., например: Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новосёлова... С. 99–100, 105–112.

⁴⁷ Совпадение противоположностей (лат.).

⁴⁸ Розанов В.В. Собрание сочинений. [Т. 29]. Литературные изгнанники. Книга вторая / Под ред. А.Н. Николюкина. М.; СПб., 2010. С. 133.

⁴⁹ Флоренский П., *свящ.* Пути и средоточия. С. 37.

⁵⁰ Розанов В.В. Собрание сочинений. [Т. 29]. Литературные изгнанники. Книга вторая. С. 122.

⁵¹ Конспект, датированный ноябрём 1921 г., см.: Флоренский П., *свящ.* Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания // Флоренский П.А., *свящ.* Сочинения. В 4 т. Т. 3(2). М., 2000. С. 468.

Но именно поэтому о. Павла и не устраивал реальный опыт Кружка, который, несмотря на стоявшую перед ним сверхзадачу, грозил обернуться типичной для своего времени «партийной» подменой. «Мне думается, — делился он своими опасениями с Булгаковым 12 декабря 1916 г., — что мало-помалу, с каждым годом определённое, свободное общение, аскетика и мистика у М[ихаила] А[лександровича] (Новосёлова. — К.П.) отступают на второй план, и выдвигаются стороны миссионерства, апологетики, привлечения, пресечения... Но пред “московскими славянофилами” я могу стоять как один пред одним, а не пред какой-то партией, за которой не признаю ни права коллективного суда, ни права коллективного увещания, хотя всё это признаю за каждым врозь»⁵². Характеризуя весной 1918 г. особенности «того “хорового начала”, на которое думали опереть русскую общественность славянофилы», о. Павел особо обращал внимание на то, что независимо от количества участников, это всегда личностное общение, и в нём «каждый беседует с каждым»⁵³.

Интимность, приватность, задушевность работы Кружка не раз ощущалась его участниками. Даже сдержанный Кожевников, вспоминая о том, как на одной из бесед в ноябре 1914 г. Дурылин читал статью Розанова «Русское церковное воспитание и германские зверства», отмечал: «Все присутствовавшие и внимавшие были зачарованы и приведены в умиление. Создался момент (не боюсь сказать) *литургически-благоговейный*»⁵⁴. В поминальном слове о Самарине, «составленном» от «Кружка ищущих христианского просвещения», Кожевников чётко разделил два направления общественно-церковной деятельности Фёдора Дмитриевича: желанное содружество «ищущих» и Братство святителей Московских, где он старался «создать нечто практически целесообразное для нужд церковных». В Кружке же «внимание его сосредоточилось на проекте духовного сплочения, вначале хотя бы небольшого числа лиц, близко принимавших к сердцу запросы религиозные, в группу, которая носила бы характер не столько учёного религиозно-философского общества, сколько духовного, интимно-дружественного братства, члены коего свободным духовным общением, беседами, чтениями и практической деятельностью в церковном духе объединялись бы друг с другом, содействовали прежде всего взаимно духовному росту, уяснению и углублению религиозного понимания и оживлению религиозного назидания, а затем, по мере сил и возможности, пытались бы в том же смысле влиять и на окружающую среду, преимущественно современной молодёжи»⁵⁵.

⁵² Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым... С. 118. Кстати, Кружок не был для о. Павла первым опытом мистического содружества. Ещё летом 1904 г., отправляясь из университета в духовную академию, он делился с А. Белым замыслом «кружка» — «ордена» — «братства», участников которого (предполагались В.Ф. Эрн, В.П. Свенцицкий, А.В. Ельчанинов и др.) свободно свяжет теургия (Павел Флоренский и символисты... С. 463, 464).

⁵³ *Флоренский П., свящ.* Пути и средоточия. С. 37–38.

⁵⁴ Письма В.А. Кожевникова В.В. Розанову // Вестник РХД. 1984. № 4(143). С. 93.

⁵⁵ Феооду Дмитриевичу Самарину... С. 544. В декабре 1909 г., когда его, не спрашивая согласия, избрали председателем совета возникшего Братства, Самарин признавался П.Б. Мансурову, что пошёл «на это дело... без всякого энтузиазма» и даже не исключал «полнейшего фиаско». Но о Кружке за два года до того он писал совсем иначе: «С нетерпением жду, как пойдёт это дело. В случае успеха и если увижу, что я могу быть тут полезен, хотел бы весь ему отдаться» (*Дубинин А., иерей.* Переписка В.А. Кожевникова с Ф.Д. Самариним... С. 281, 285–286).

Совместными усилиями устраивались «чтения и беседы по вопросам христианского просвещения»⁵⁶, ставшие основной формой деятельности Кружка. В частности, им проводились: чтения на важные для его членов темы (библейская экзегеза, состав и смысл церковного учения, реальность религиозного опыта, сравнительное религиоведение, церковно-исторические сюжеты и их непреходящее значение, актуальные аспекты святоотеческого наследия, религиозная психология, соотношение науки и религии); занятия со студенческой молодёжью⁵⁷; публичные чтения, собиравшие десятки слушателей. В 1908 г. их число доходило до 60 — более не могло вместить отведённое им помещение (за другие годы официальная отчётность не известна)⁵⁸. Публичные лекции, как правило, проходили в доме профессора Корнилова (именно поэтому кружок иногда называли «корниловским»). Причём не только их слушатели, но и лекторы зачастую не принадлежали малочисленному Кружку (например, В.А. Троицкий — будущий архиепископ Верейский Иларион, Н.С. Арсеньев, Ю.А. Колемин).

Устраивались и закрытые для публики собрания, на которые допускались только члены общества. Первоначально они снимали для этого гостиничный номер, потом стали пользоваться квартирой Новосёлова⁵⁹. На этих встречах определялся порядок работы, выяснялось общее отношение к волновавшим кружковцев проблемам (преподавание Закона Божия в средней школе, выработка современного подхода к толкованию Священного Писания, споры об имяславии и т.п.). Решения, как и полагалось по уставу, принимались только с общего согласия всех присутствовавших.

Сочинения членов Кружка после обсуждения на заседаниях публиковались в выпускавшейся Новосёловым «Религиозно-философской библиотеке», на страницах «Богословского вестника» — журнала Московской духовной академии, редактором которого с сентября 1912 по май 1917 г. был о. П. Флоренский, в «Христианском чтении», издававшемся Санкт-Петербургской духовной академией. У Кружка имела собственная библиотека, хотя его участники охотно открывали друг другу и личные собрания и архивы. Летом, когда все разъезжались из Москвы, значительно возрастала содержательность переписки.

Смерть Самарина (23 октября 1916 г.), а затем и Кожевникова (3 июля 1917 г.), цепь революционных событий, поставивших поиск «христианского просвещения» в новые, ранее неведомые условия, — всё это привело к фактическому упразднению сообщества. Однако полученный благодаря Кружку опыт и впоследствии проявлялся в жизни и творчестве его участников, продолжавших, по возможности, личное общение.

Имея все признаки сложившейся общественной организации, Кружок если и не задумывался, то с самого возникновения понимался наиболее активными его участниками как нечто большее. Попытки сообщать, обсуждать и решать вопросы религиозной жизни, при глубокой личной в них заинтересованности, неминуемо вели к завышению ожиданий и требований,

⁵⁶ Устав Кружка взаимопомощи... С. 470.

⁵⁷ Они начались ещё до возникновения Кружка.

⁵⁸ См.: Краткие сведения о деятельности... С. 472; *Арсеньев Н.С.* Дары и встречи... С. 56.

⁵⁹ Зёрнов даже делил Кружок на два самостоятельных общества (*Зёрнов Н.М.* Указ. соч. С. 121–122), не зная, что и закрытые заседания на квартире у Новосёлова, и публичные чтения у Корнилова вполне соответствовали изначальному плану деятельности «ищущих».

«общество» принимало очертания «общины», соответствующий отпечаток ложился и на самих кружковцев. И это движение от «простых» задач исследовательского любопытства к сверхзадаче «христианского просвещения» увлекало прежде всего тех, чьё влияние на жизнь Кружка было наиболее заметно. Примечательны как отсутствие внутреннего единства между ними, так и их продолжительное сотрудничество, при общей, у каждого на свой лад, верности славянофильской традиции, с характерной для неё сакрализацией (вольной или нет) всего «общего», «общественного», «общинного», «хорового». Именно она стала тем фундаментом, на котором строился Кружок. Сотрудничество и, одновременно, противоборство миссионерского прагматизма, нонконформизма и личного аскетизма М.А. Новосёлова, религиозно-общественного идеализма Ф.Д. Самарина, символизма и мистицизма о. П. Флоренского, бесспорно, благоприятствовали творческой динамике внутри Кружка, но ими же обусловлена и трудноуловимость, размытость его идейного «лица», и малочисленность участников.